АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

Неголосующие и праздно болтающие

(О признаках разрешения концептуальной неопределенности в России)

Чтобы увидеть процессы, протекающие в жизни общества, необходимо соотносить «текущий момент» со многими моментами прошлого. Поэтому в данной аналитической записке мы вспомним газетные статьи не только этого месяца, когда подавляющее большинство аналитиков сосредоточило всё внимание на попытке импичмента президента, отставке правительства Е.М.Примакова, назначении премьером С.В.Степашина и формировании им правительства, гадая хорошо или плохо то, что уже свершилось, и высказывая некие предположения относительно возможного и невозможного — на их взгляд — будущего.

09.04.1999 г. “Независимая газета” под рубрикой «Полемика» опубликовала статью Александра Калинина *“Неголосующие”.* Начинается она с упоминания того, что последний генсек КПСС, выступая в “НГ”, поддержал мнение о необходимости сделать явку на выборы обязательной.

Это мнение в той или иной форме регулярно высказывают многие политики и журналисты. В мире есть и государства, в которых обязанность граждан принимать участие в голосовании закреплена в конституциях, и, как следствие, существуют законы, на основании которых гражданин государства, не принявший участия в выборах без причины, признаваемой законом уважительной, может быть как-то наказан.

Мотивация введения такого рода законодательных норм проста, хотя обычно и не обсуждается в обществе: избирательная кампания требует продолжительного времени, больших затрат финансовых и материальных ресурсов и т.п., и если выборы признаются недействительными из-за неявки определённой доли населения, обладающего правом голоса, то государственность, основанная на демократических процедурах, утрачивает свою легитимность и впадает в кризис, поскольку в подавляющем большинстве случаев конституции демократических государств не устанавливают процедур, обеспечивающих воспроизводство персонала в ветвях власти в условиях, когда избиратели систематически не ходят на выборы.

Ввести в конституцию описание процедур, гарантирующих обновление государственного аппарата в условиях, когда выборы систематически признаются несостоявшимися из-за неявки избирателей, — значит признать крах “демократической модели” общественного устройства в этом обществе и, как полагают многие, открыть дорогу становлению тирании с молчаливого одобрения не голосующей части электората. Согласившись с этим, остается только морально-этически обосновать обязанность граждан являться на все выборы под предлогом, что у граждан в условиях демократии есть не только равенство прав, но и некоторое равенство обязанностей, и если граждане не хотят лишиться прав, предоставляемых каждому из них в демократическом обществе, то они должны исполнять и обязанности. Так носители “демократических идеалов” пришли в своем развитии к их самоотрицанию: от борьбы за всеобщее и равное избирательное право к требованию всеобщей принудиловки голосования.

Конечно, избирательные кампании — дорогостоящие мероприятия, и если они одна за другой оказываются несостоявшимися подобно тому, как это имеет место в уже наскучивших попытках демократически избрать мэра Владивостока, то общество рискует впасть в кризис государственного управления. Можно принудить всех к обязательной явке на выборы. Но не следует думать, что это гарантирует бескризисность обновления государственного аппарата на основе демократических избирательных процедур, тем более в условиях нынешней России.

Собственно на это и намекает статья “Неголосующие”. Согласно приводимым в ней данным от участия во втором туре президентских выборов 1996 г. уклонились 33 788 601 избиратель, в то время как за Г.А.Зюганова проголосовали 30 102 990 избирателей, а за Б.Н.Ельцина проголосовали 40 203 948. Против всех проголосовали 3 603 760, и 889 751 либо унесли с собой избирательные бюллетени, либо заполнили их так, что избирательные комиссии признали их недействительными.

Не лучше обстояло дело и с первым туром: от участия в нём уклонились 32 750 490 избирателей. Эта величина всего на 1 038 111 меньше, чем число уклонившихся от участия во втором туре президентских выборов, что не дает возможности объяснить неявку на второй тур более чем 33 миллионов человек тем, что они — убежденные сторонники кандидатов, отсеявшихся в первом туре. И число уклонившихся в первом туре втрое больше, чем получил голосов в нём А.И.Лебедь, и на 6 миллионов больше, чем в первом туре получил голосов Б.Н.Ельцин.

Такая же картина и на выборах в Думу по партийным спискам: 37 881 847 избирателей не участвовали в выборах, в то время как КПРФ получила 15 432 963 голоса, ЛДПР — 7 737 431 голос, НДР — 7 009 291, “Яблоко” — 4 767 384.

Приводя эти данные, “НГ” предстала перед необходимостью рассмотреть крайне неприятный для сторонников демократической модели в России вопрос:

«Кто они <неголосующие>[1]? Каковы мотивы их поведения? Есть ли у них нечто общее? Не составляют ли они, не приведи, конечно, боже, политической силы или основы для появления такой политической силы?

… Поскольку эмпирические данные отсутствуют, придется перейти в область догадок. Хотя аналитики неголосующими пренебрегают, молчаливо полагая, что неголосующие — люди увечные, неразвитые, некультурные, безответственные, безразличные ко всему, опустившиеся и люмпенизированные, ВСЕ ЭТИ ИСХОДНЫЕ ПОСЫЛКИ, СНИМАЮЩИЕ ПРОБЛЕМУ НЕГОЛОСУЮЩИХ, НИКТО НИКОГДА НЕ ПРОВЕРЯЛ. (Выделено нами при цитировании).

А ведь эти посылки весьма уязвимы. Неголосующие разнородны. Наверное, среди них есть люди, соответствующие описанным выше представлениям о них. Но среди них есть и другие. Можно предположить, что неучастие в выборах есть признак устойчивого психического здоровья (на неголосующих не действуют кампании по разжиганию массовой истерии), интеллектуальной и духовной развитости (неголосующие понимают, что от их участия в выборах ничего не зависит), культуры (в рамках которой существует убеждение в том, что вечные ценности остаются вечными ценностями даже в том случае, если 99,99 % избирателей в полном соответствии с демократической процедурой постановят их запретить и искоренить), гражданской ответственности (неголосующие понимают, что выборы — это игра, правила которой до конца не известны и подвержены внезапным изменениям, игра, в которой многие ставят на кон то, чем не имеют права рисковать). Можно также предположить, что НЕУЧАСТИЕ В ВЫБОРАХ ЕСТЬ ПРИЗНАК СЕРЬЕЗНОГО ОТНОШЕНИЯ К СУДЬБЕ СТРАНЫ, ПО СРАВНЕНИЮ С КОТОРОЙ ВОПРОС О ТОМ, БУДУТ ЛИ ЗАСЕДАТЬ В ВЫБОРНЫХ ОРГАНАХ ТЕ ИЛИ ИНЫЕ ПОЛИТИКИ И ПАРТИИ, ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ МЕЛОЧНЫМ. (Выделено нами при цитировании, поскольку это действительно так).

Не стоит представлять неголосующих как опустившихся и люмпенизированных алкашей. Как известно люмпенизированное население, особенно пьяницы, составляют если не боевой, то главный, легко мобилизуемый резерв нашей демократии (это точно: вашей демократии, но не нашей демократии — демократии неголосующих, — наше замечание при цитировании) и охотно продают свои голоса по цене бутылки или половины оной, что со сладострастием неоднократно показывало ТВ».

---

[1] Здесь и далее в угловых скобках наши уточнения и пояснения при цитировании.

Всё, высказанное А.Калининым, справедливо по отношению к какой-то доле неголосующих. И при этом следует обратить внимание на то, что по умолчанию те же самые утверждения являются порицанием *практики* демократического устройства общества по западной модели, которую пытаются реализовать в России и при этом испытывают большие проблемы, одна из которых — численное превосходство убежденных неголосующих над убежденными сторонниками всех партий и политических лидеров (мобилизуемые в избирательных кампаниях истеричные типы, чьи краткосрочные убеждения формируются СМИ, — не в счет).

Ведь, если люди с устойчивым психическим здоровьем, которых невозможно увлечь в предвыборную истерию, уклоняются от участия в выборных процедурах, то органы государственной власти формируются психопатами.

Если выборы — игра, с неизвестными правилами, к тому же меняющимися, то у игры есть хозяева, которые преследуют свои не оглашаемые в выборных кампаниях цели, орудием осуществления которых являются приходящие в органы власти кандидаты, победившие на выборах, в которых принимают участие легко мобилизуемые психопаты и ущербные люмпенизированные слои.

Естественно ожидать, что нравственно правый человек и нравственно правая редакция газеты, публикующая статью с такой нелицеприятной характеристикой нынешнего общественного строя в России и его государственного оформления, осознав всё ранее приведенное, обеспокоятся поисками и обсуждением альтернативы этому маразму, когда судьбы страны и её народов решаются на цирковых шоу, в которых массовку составляют безвольные избиратели, бездумно увлекаемые к избирательным урнам нагнетающими истерию предвыборными кампаниями по промыванию мозгов и продающие будущее за бутылку водки. Но так бы поступили нравственно правые люди…

Однако безнравственные и злонравные поступают иначе. А.Калинин и редакция “НГ”, убедительно показав, что не все неголосующие — люмпен, обеспокоились другой проблемой: как сохранить нынешнее объективно порочное положение вещей. Поэтому они и предлагают наиболее горячим демократизаторам сдержать свой зуд, дабы система избирательных процедур по-прежнему была ширмой, за которой делается крайне деспотичная политика подавления человечности на планете Земля:

«Практически все мы знаем людей, по принципиальным и внятным соображениям ни разу не голосовавших с 1991-го или с 1993 года. Их вряд ли можно назвать люмпенами, которые угрюмо и тупо ненавидят современную жизнь (Среди них есть и такие, кто **жизнерадостно** подрывает возможности победы идеалов, которым привержены Сахаров, Солженицин, Гайдар, Чубайс, Березовский и им подобные: наше замечание при цитировании). Отказ этих людей от участия в выборах обоснован. Попытка принудить их участвовать в выборах будет явным насилием над их свободой мысли и совести».

Через это демократизаторы переступили бы, но у наиболее интеллектуально развитых из них есть ощущение, что этого не следует делать:

«Подозреваю, что эти люди найдут способы отстоять свою свободу (от демократии по-западному: — наше добавление при цитировании). Лучше их не трогать. Они никому зла не приносят и ни от кого ничего не требуют. Они не приемлют господствующий в российской политике подход *«только **нашим — за счет** остальных».* Они считают, что в такой аморальной (правильно было бы — порочной: — наше уточнение при цитировании), постыдной, иррациональной (неразумной: — наш перевод при цитировании) и в конечном счете губительной для страны политике им делать нечего, а к тем, кто пытается заручиться их поддержкой для участия в такой политике, они относятся с пониманием, но без симпатии.

К СЧАСТЬЮ ДЛЯ НАШЕЙ ПОЛИТИЧСКОЙ СИСТЕМЫ, ТАКИЕ ЛЮДИ НЕ ОБРАЗУЮТ ПАРТИИ. НО ОНИ ОБРАЗУЮТ ПРОТОЯДРО ТОГО, ЧТО МОЖЕТ СТАТЬ МОРАЛЬНЫМ БОЛЬШИНСТВОМ *(Это не так по существу: не моральным большинством, а*

<u>действенной творческой неформальной общественной инициативой, свободной от мертвящей дисциплины партийных структур и психологического гнета авторитетов тех или иных личностей</u>: — наше уточнение при цитировании). ЕСЛИ ЭТА ВОЗМОЖНСОТЬ РЕАЛИЗУЕТСЯ *(она уже успешно осуществляется: наше уточнение при цитировании)*, НЫНЕШНЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ПРИДЕТ КОНЕЦ ЕЩЕ БОЛЕЕ БЕССЛАВНЫЙ, ЧЕМ КОНЕЦ КОММУНИСТИЧЕСКОГО РЕЖИМА. (Выделено нами при цитировании. Кстати, в так называемом «коммунистическом режиме» всеобщее обязательное голосование обеспечивалось).

Наум Коржавин в известном стихотворении напомнил, что в России никого нельзя будить. Не стоит будить неголосующих. Их поведение трудно предсказать. Последствия их поведения могут понравиться далеко не всем. А с искажениями демократии (т.е. с закулисной тиранией прикрывающейся ширмой избирательных процедур, массовку которых составляют субъекты с неустойчивой психикой, для которых можно раскрутить каких угодно кандидатов: наше напоминание при цитировании) можно худо-бедно примириться. Что мы и делаем».

Так в стане демократизаторов свершилось признание того, что “электорат” делится на голосующих и неголосующих. И тем, и другим даны прямо и по умолчанию характеристики. Но чтобы понять причины, по которым неголосующих в “электорате” столь много, и чтобы увидеть перспективы неголосующих и “демократических процедур”, необходимо посмотреть и на российскую “элиту”, из среды которой подбираются кандидаты для голосующих, и которая оказывает интеллектуальную поддержку режиму, воспроизводящему свой кадровый корпус на основе избирательных процедур. Если это сделать, то выяснится, что думающему человеку выбирать просто не из кого.

Обратимся к “НГ-Политэкономия” (Приложение к “Независимой газете”), № 8 (30), май 1999 г. В ней опубликованы материалы дискуссии за «круглым столом», в которой приняли участие: Абалкин Леонид Иванович — директор Института экономики РАН, академик; Глазьев Сергей Юрьевич — доктор экономических наук; Жуков Александр Дмитриевич — председатель комитета Государственной Думы по бюджету, налогам, банкам и финансам; Илларионов Андрей Николаевич — директор Института экономического анализа; Митяев Дмитрий Аркадьевич — председатель правления Евросиббанка; Починок Александр Петрович — руководитель департамента финансового и денежно-кредитного регулирования аппарата правительства РФ; Сменковский Владимир Николаевич — директор департамента исследований и информации банка России; Ясин Евгений Григорьевич — научный руководитель Высшей школы экономики; Третьяков Виталий Товиевич[1] — главный редактор “НГ”; Кузьмичев Владислав Юрьевич — и.о. заведующего отделом экономики “НГ”.

Дискуссия состоялась 29 апреля 1999 г. и занимаемые должности приведены по состоянию на этот день. Материалы дискуссии озаглавлены *“Мобилизационная модель: путь к процветанию или развалу России? Выбор варианта развития народного хозяйства зависит от субъективных оценок ситуации лидерами правящей элиты”*. Материалы дискуссии заняли целый газетный разворот и еще почти половину газетного листа.

Начало дискуссии положил В.Третьяков:

«Сегодня мы собрались для того, чтобы выяснить, насколько приемлема для современной России модель так называемой мобилизационной экономики. Но для начала хотелось бы выяснить, что же каждый из вас понимает под этими словами. В моем представлении, мобилизационная экономика — это экономика времен Гражданской войны или же экономика СССР в период Великой Отечественной войны. Это примеры из нашей истории. Но существует еще и принципиально иная модель мобилизационной экономики мирного времени в условиях политической диктатуры. О какой же модели в связи с нынешней ситуаци-

[1] Отчество говорит о том, что “Независимая газета” зависима от сионоинтернацизма.

ей в России мы можем говорить? Какой из этих типов экономики нам грозит или, наоборот, может нас в ближайшее время осчастливить?»

Эта постановка вопроса и неуклюжая попытка определить смысл термина «мобилизационная экономика» — одна из наиболее ярких иллюстраций того, что журналист — это говорун, не владеющий конкретными прикладными навыками и знаниями, оперирующий словами-вывесками, за которыми может скрываться либо не однозначно определяемое содержание, либо отсутствие какого бы то ни было реального содержания.

Безусловно в России в период разрухи гражданской войны было какое ни на есть народное хозяйство, обладавшее каким-то производственным потенциалом. Правительство Советской России, насколько оно видело и понимало свои возможности, действительно мобилизовывало всё, что было в пределах его досягаемости, чтобы победить в гражданской войне и вывести страну из разрухи.

Точно также и Правительство СССР в период Великой Отечественной войны мобилизовывало всё, что было в пределах его досягаемости, чтобы победить в войне, а по её завершении скорее восстановить мирный образ жизни и перевооружить страну, дабы против неё не начали новую войну[1].

Но в каждом из этих случаев в стране были разные производственные потенциалы, разные системы подчинения их государственным интересам, разные системы согласования государственных интересов и интересов тех или иных слоев его населения.

Каждая из этих — отличных одна от другой — экономик вынужденно использовалась для преодоления проблем, с которыми столкнулось общество и государство на своем историческом пути, что потребовало мобилизации всех ресурсов общества, насколько это могла осуществить государственная власть. Но даже с учетом этого обстоятельства невозможно выявить какие-то специфические черты экономических укладов (способов организации производства как такового и способов распределения произведенного), свойственные обеим экономикам, после чего провозгласить, что общество в ряде случаев способно порождать «мобилизационную экономику», специфическими чертами которой являются такие-то, не свойственные другим типам экономики.

То же касается и «мобилизационной экономики» в мирное время, в условиях так называемой «политической диктатуры». В мире существует множество политических диктатур, одной из которых является *демократия по-западному,* и каждая из диктатур по-своему управляется со своей экономикой в меру понимания ею возможностей и целесообразности. Но специфических черт, которые позволяют выделить «мобилизационную экономику» как особый тип экономики, нет ни в мирное, ни в военное время, ни в периоды иных общественных бедствий.

Тем не менее после предложения В.Третьякова дать определение термину «мобилизационная экономика» высказались С.Глазьев, Е.Ясин, А.Жуков, А.Илларионов, Л.Абалкин. Если говорить об этой скучной дискуссии кратко, то почти каждый из них обращал внимание на какие-то черты, которые свойственны тем странам, где на его взгляд существует «мобилизационная экономика». Но поскольку те же самые черты свойственны и экономике других стран, то другие участники дискуссии тут же его опровергали, поскольку в этих странах, на их взгляд, экономика не является «мобилизационной». Вследствие такого характера дискуссии взаимно приемлемого определения термину «мобилизационная экономика» дать не удалось. Но не смотря на это дискуссия продолжалась 3,5 часа, и не все занятые люди, приглашенные к участию в ней, имели “свободное” время, чтобы участвовать в ней до конца.

---

[1] Миф о миролюбии передовых стран Запада исторически не подтверждается: если у них возникала иллюзия победы, то всегда нападали, имея целью подчинить себе как объект эксплуатации и силой навязать западный образ существования. План “Дроп-шот” развязывания ядерной войны против СССР в 1947 г. не был осуществлен только потому, что по расчетам натовских аналитиков, даже после нанесения 70 ядерных ударов по столицам СССР и его промышленным центрам через две недели ожидалось появление советских танков на берегах Ла-Манша.

Поскольку экономический кризис в России очевиден и преодолевать его как-то надо, то можно участвовать в дискуссии, не споря о терминах и молча не возражая подходу Л.И.Абалкина, давшему по существу не определение специфического типа «мобилизационной экономики», а обстоятельств, в которых вследствие ошибок и вредительства политиков может оказаться общество вне зависимости от типа его экономики:

«Я исхожу из того, что применительно к современной России само понятие мобилизационной экономики неприемлемо. Я бы трактовал мобилизационную экономику как антикризисную экономику, связанную с чрезвычайными обстоятельствами».

Конечно, неоднозначно осмысляемое понятие «мобилизационная экономика» неприемлемо и не только к России, а просто потому, что нет такого типа экономического уклада, который можно бы было втиснуть в название «мобилизационный» и который обладал бы неповторимыми специфическими чертами, не свойственными другим экономическим укладам. Все экономические уклады имеют те или иные средства воздействия на производство и распределение продукции, употребление которых в принципе позволяет мобилизовать наличные ресурсы на преодоление кризиса, если он разразился в силу каких-то причин, не всегда чисто экономических. Иными словами, общество с любым типом экономики может столкнуться с обстоятельствами, когда оно будет вынуждено перевести свою экономику в некий «мобилизационный режим функционирования», специфика которого во многом будет определятся самими обстоятельствами. Даже если по выходе из этого мобилизационного режима экономика изменит свой тип, то от этого она не станет «мобилизационной».

Но до того, как Л.И.Абалкин связал мобилизацию экономики с кризисными обстоятельствами, состоялся весьма показательный диалог:

«**А.Илларионов:** Я бы начал не с примеров <мобилизационных экономик> и не с описания различных инструментов <управления экономикой>, а с самого определения, которое Сергей Юрьевич дал мобилизационной экономике. Насколько я понимаю, Сергей Юрьевич утверждает, что мобилизационная экономика — это система регулирования, обеспечивающая максимальное использование имеющихся ресурсов. Если я ошибся, поправьте меня.

С.Глазьев: Речь идет о максимальном использовании производственных ресурсов.

А.Илларионов: Хорошо, система регулирования, обеспечивающая максимальное использование производственных ресурсов. Если это считать определением, мобилизационная экономика находится вне пределов исследования науки «экономика». Сама наука «экономика» является наукой об эффективном размещение ресурсов. Не о максимальном или минимальном, а об эффективном. Поэтому с точки зрения экономической теории максимальное использование производственных ресурсов находится за пределами науки «экономика». С точки зрения практики, сам посыл, заключающийся в том, что максимальное использование производственных ресурсов обеспечит максимальные темпы экономического роста абсолютно неверен. Экономическая наука на многочисленных исторических примерах показала отсутствие связи между максимальным использованием ресурсов и экономическим ростом».

Это — образец косноязычия и непонимания как смысла слов родного русского языка, так и причинно-следственных связей во многоотраслевой производственно-потребительской системе общества (кратко именуемой «экономика») и связей её с объемлющими социальными и биосферными процессами.

Во-первых, в русском языке грамматически допустимы обороты речи и «максимальное использование», и «максимальное употребление» («максимальные затраты», «максимальные расходы ресурсов»), но каждый из них несет свой смысл, отличный от другого. «Максимальное использование», содержащее корень «польз»-а, является русскоязычным эквивалентом для латиноязычной «эффективности». То есть «максимальное употребление» вовсе не обязательно является «максимальным использованием», но может оказаться и *максимальным расточительством без пользы*. То, что большинство привыкло говорить, не задумываясь об изначальной смысловой нагрузке употребляемых ими слов, и это стало гос-

подствующей нормой словоупотребления в современном обществе, ничуть это большинство не извиняет, но является лишь выражением того, что люди научились говорить, не научившись соображать речь и думать, прежде чем что-то сказать.

Во-вторых, говорить об *эффективности* употребления ресурсов безотносительно целей, на достижение которых затрачиваются ресурсы, — бессмысленно. Одна и та же производственно-потребительская система может оказаться исключительно эффективной по отношению к одному *набору иерархически упорядоченных целей* (вектору целей) и крайне неэффективной по отношению к другому вектору целей. Выбор же вектора целей, на который предстоит настраивать производственно-потребительскую систему, подобно тому, как настраивают гитару перед исполнением на ней музыкальных произведений, лежит в области сознательного и бессознательного субъективизма политиков и их *действительных,* а не номинальных советников по вопросам экономики.

Это касается и нынешней российской экономики: она предельно эффективна по отношению к достижению антинародных целей на протяжении всей эпохи реформ, начиная с Гайдара по наши дни, и в то же самое время она крайне неэффективна по отношению к обеспечению экономической безопасности россиян ныне и в долговременной перспективе.

Однако, если вы поднимите экономические монографии, то, вопреки заявлениям Илларионова о том, что «экономика — это наука об эффективном размещении ресурсов», с удивлением обнаружите, что *легитимная экономическая наука* не интересуется вопросами целеполагания на уровне макроэкономики (многоотраслевой производственно-потребительской системы в целом) и, как следствие, не интересуется выявлением альтернатив в целеполагании, т.е. альтернатив в сознательном формировании векторов целей макроэкономического уровня, ориентация на которые экономики государства средствами налогово-дотационной, кредитной, страховой и таможенной политики позволила бы устойчиво поддерживать режим бескризисного развития[1] общества.

То есть, пытаясь рассуждать об эффективности затрат ресурсов в производстве и оставляя в умолчаниях вопросы целеполагания макроуровня, экономическая наука представляет собой смесь бессмыслицы и *вероломства тех, кто осознанно формирует вектора целей экономических систем в разных регионах планеты*, вследствие чего одни из них представляют собой потребительский “рай” для существующих чужим трудом паразитов; другие являют “экономическое чудо”; а третьи влачат жалкое существование, сопровождаемое нескончаемыми дискуссиями об определении *терминов, которым нет соответствующих объективных явлений в реальной жизни.* К такого рода беспредметным дискуссиям принадлежат и та, что развезла более чем на газетный разворот “Независимая газета”Собственно это же, но без саморазоблачения экономической теории и практики её воплощения в жизнь, сказал и Л.И.Абалкин:

«Но мы уходим от самого главного вопроса, и к нему надо вернуться. Сергей Юрьевич, к сожалению, его тоже не обозначил. Исходным пунктом любой реформы должны быть четкие обозначения её не ближайших, а долгосрочных конечных целей. Что мы хотим иметь в России через 15 — 20 лет?[2] Нам не хватило девяти лет, чтобы прописать долгосрочные

---

[1] Бескризисное развитие — это вовсе не «устойчивое развитие», как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что оригинальный англоязычный термин «sustainable development», который на русский переводится как «устойчивое развитие» в действительности имеет несколько иной смысл. Но глагол «to sustain» имеет значение «выдержать», прилагательное «sustainable» имеет значение «стойкий». То есть Запад ведет речь не об устойчивом развитии человечества в ладу с Космосом, что можно подумать, прочитав перевод на русский этой терминологии, а о стойком выживании под давлением обстоятельств, порождаемых разладом цивилизации и объемлющей её жизнь Объективной реальности. Иначе говоря, в русском языке этот термин должен звучать как «боевая устойчивость развития человечества», что приводит к вопросу: “Кто враг?” — и ответу на него: “Бог и Мироздание… Победа будет за Богом”.

Есть ли смысл нам присоединяться к концепции «of sustainable development»? либо лучше поддержать альтернативную концепцию?

[2] Вообще-то это — среднесрочные цели, а не долгосрочные. Долгосрочные цели начинаются в исторической перспективе с того хронологического рубежа, на котором войдут в жизнь внуки нынешних новорожденных.

перспективы. Ни в прежних правительственных программах, ни в нынешних нет четкого видения среднесрочной перспективы. Без всякой идеологизации, с совершенно четким обозначением промышленных и других приоритетов».

После такого признания, которое вряд ли чекисты времен Яго́ды и Ежова смогли бы добиться даже под пытками (просто потому, что многие из них не догадались бы сами поставить необходимые вопросы) остается только спросить: “Леонид Иванович, если вы понимаете необходимость целеполагания, то какой ерундой занимались Вы лично и возглавляемый Вами институт все предшествующие девять лет? То обстоятельство, что Вы явно понимаете необходимость целеполагания при начале реформ, не позволяет причислить Вас к безответственным дуракам-карьеристам, и потому остается признать, что Вы — вредитель и враг народа”.

Всё же замечательна эпоха, в которую мы живем: врагов народа не надо выискивать — они саморазоблачаются в свободных дискуссиях *на заданную тему.*

Еще один пример такого рода дал А.Б.Чубайс. В “Аргументах и фактах” № 21 (970) май 1999 г. под рубрикой «В гостях у главного редактора» опубликовано интервью А.Б.Чубайса *“В Думу я не рвусь”.* В нём есть два такого рода момента.

«**— По вашему ощущению, наши банкиры, олигархи уже наворовались?**

— На этот вопрос очень хорошо ответил в своей миниатюре Жванецкий: “Говорят, что все наши деньги украл Березовский. Кстати, у вас были деньги?” Не было же денег ни у кого».

Если быть более точным, то 90 % сумм сбережений, хранившихся в сберегательных кассах СССР, принадлежал менее чем трем процентам населения. Из этих 90 % изрядная доля была на книжках «на предъявителя». Именно они оказывали инфляционное давление на экономику СССР, поскольку товаров народного потребления, продававшихся по фиксированным ценам производилось меньше, чем было этих сумм. С ними можно было поступить по разному: можно было аннулировать всё, что есть на вкладах на предъявителя, если предъявитель не в состоянии показать, что его легальные доходы позволяли их накопить. А можно было признать их законными и продать их владельцам ту государственную собственность, которая ранее не продавалась в СССР частным лицам. Было избрано второе и это получило название «приватизация» по Чубайсу, которая узаконила ранее состоявшуюся кражу общественной собственности, произведенную в форме вкладов на предъявителя еще советских времен и изрядных сумм наличности в частных руках. Так обстоит дело с одной частью вопроса, кто и что украл.

Вторая часть вопроса состоит в том, что деньги — измеритель покупательной способности. Деньги можно и не красть, но покупательная способность их может быть украдена. Собственно этим и занимаются отечественные олигархи. И А.Чубайс, как сам признается, тоже не под пытками, стоит на шухере при осуществлении этого способа кражи. В интервью речь зашла о Ю.М.Лужкове.

«Тому, что Лужков называет антинародным монетаризмом, десятки тысяч российских студентов учатся в институте.

Как-то мы просидели с ним три часа, обсуждая эту мысль. Я страстно пытался ему показать, что произойдет, если, как он предлагал, Центральный банк будет давать кредиты под 7 % годовых, в то время как инфляция в стране — 30 % в месяц. Он слушал молча».

В этой цитате важна самооценка: «страстно», т.е. безумно, поскольку разум может быть эмоционально окрашен, но если появляются страсти, то они гасят разум, и даже разумные — сами по себе — вещи страстный их выразитель способен донести до собеседника только как попугай.

Конечно, если ограничить только Центробанк, сохранив всю остальную систему ростовщичества коммерческих банков неизменной, то ничего хорошего не получится. Это можно показать бесстрастно за несколько минут.

Но поскольку объемы производства в отраслях реального сектора экономики пропорциональны объему вовлеченной в производство энергии, а коэффициент полезного действия всех технических систем нынешней цивилизации меньше единицы, то темпы роста производства в реальном секторе экономики в неизменных ценах не могут быть выше темпов роста энергообеспеченности производства. В таких условиях ссудный процент, превышающий темпы роста энергообеспеченности производства, вызывает опережающий по отношению к реальным темпам роста производства рост цен, чем отсасывает платежеспособность из производственной и потребительской сфер общества в корпорацию ростовщических банков. Именно этим и занимаются олигархи: хотя они и не крадут денег в общепринятом смысле этого слова, но по существу они все-таки кражей занимаются, даже если такое деяние узаконено Библией и светскими законами. И тяжесть последствий этих деяний сверхпропорциональна по отношению к ставке ссудного процента. Инфляция в 30 % в месяц — следствие ссудного процента, а не объективное обстоятельство, вынуждающее банки поддерживать ссудный процент на уровне не ниже самой себя. Это можно показать математически строго на основе аппарата межотраслевого анализа, *и опровергнуть это утверждение невозможно*.

Ю.М.Лужков, настаивая на директивном снижении ставки ссудного процента, интуитивно прав. Но если он три часа выслушивал Чубайсов бред на темы монетаризма, то он не знает, чем занять свое время. При обилии проблем в стране дееспособным политикам надо просто гнать болтунов из кабинета, даже если их СМИ и раскрутили, подобно А.Б.Чубайсу, а не тратить три часа на пустые разговоры. Если же то, чему учат в вузе младшего Чубайса не вызывает у него иронии и скепсиса, не наводит его на вопросы, от которых преподаватели-монетаристы впадают в истерику, потому что ответы на эти вопросы сметают шулерский домик монетаристских теорий, то — сын за отца не ответчик, но за ставшее своим — отцовские макро- и микроэкономические бредни — возможно, в будущем ответить придется, и пятерки, полученные на экзамене в вузе, не будут зачтены.

Теперь вернемся к дискуссии в “НГ” о «мобилизационной экономике». Выслушав Л.И.Абалкина, С.Ю.Глазьев тут же согласился:

«… Леонид Иванович верно меня поправил. Конечно, мобилизационная экономика предполагает четкое формирование целей. Как правило, мобилизационная экономика подразумевает некие неэкономические цели. Я согласен с Андреем Илларионовым в том смысле, что это не обычная экономика, не ориентированная на максимально эффективное использование ресурсов, а направленная на достижение целей, несколько выходящих за пределы экономического воспроизводства. Эти цели могут быть вполне совместимы с *демократическими ценностями*[1]».

Вы, Сергей Юрьевич, должны быть безмерно счастливы, что живете в наши дни, и по вопросу о целеполагании Вас “поправил” Леонид Иванович Абалкин, а не Иосиф Виссарионович Сталин. Но для добросовестно трудящегося большинства было бы предпочтительнее, если бы и ныне нашёлся Сталин, который бы поправил и Вас, и всё экономическое отделение РАН: все экономисты обладатели ученых степеней и званий от кандидата наук и выше в России должны быть дисквалифицированы, поскольку их реальная квалификация не подтверждается результатами реформ, проводимых в стране как непосредственно ими, так и теми, кто вышел из их “научных” школ и действует на основе полученных в них знаний.

И после продолжительных рассуждений о «мобилизационной экономике» в условиях «демократии в Индии», С.Ю.Глазьев возвращается на родную землю:

«… я не могу согласиться с Александром Жуковым в том, что советская экономика — это тип классической мобилизационной экономики, поскольку в 70 — 80-е годы целеполагание утратилось».

---

[1] Вопрос о совместимости мобилизационной экономики с демократией перед этим очень взволновал В.Третьякова и он попросил ответить С.Глазьева на этот вопрос.

Но если главное при начале реформ — целеполагание макроуровня (оно же главное и при поддержании устойчивости режима бескризисного развития), и с ним в России проблемы на протяжении как минимум 30 лет, то можно было надеяться, что понимающие это участники дискуссии осветят эту тему обстоятельно. Но всё свелось к полемике вокруг права индивида на свободу потребления, ограничиваемого «мобилизационной экономикой»:

«**А.Жуков**: Где же право потребителя выбирать, когда предлагается замораживание цен на энергоносители, сырьевые товары и продукцию естественных монополий до выравнивания кумулятивных темпов роста их стоимости с темпами роста цен на готовую продукцию? Какой выбор?

А.Илларионов: Например, при конвертации рубля. Отменой конвертации рубля вы полностью отбираете свободу взаимодействия с внешним миром и свободу выбора потребителя, производителя покупать любые ресурсы.

С.Глазьев: Я просто считаю, что в системе человеческих ценностей, о которых мы рассуждаем, право человека иметь работу и быть накормленным, важнее чем право приобретения “Мерседеса”».

На этом месте дискуссию о целеполагании прервал Л.И.Абалкин, напомнив о том, что «...термин “мобилизационная экономика” уже появлялся в “Независимой газете” и приобрел определенную политическую окраску…»

Но фрагмент пресеченной дискуссии о целеполагании предполагает и освещение ряда сопутствующих вопросов. Предположим, что мы не ошиблись в целеполагании макроуровня, а в экономике у нас процветает стихия рынка, когда всё свободно продается и всё свободно покупается, а основными преступлениями в области экономики считаются взяточничество чиновников и уклонение от уплаты налогов бизнесменов. Спрашивается: В такой экономике удастся осуществить безошибочно поставленные цели? — Ясно же, что не удастся. Слово «политика» происходит от греческих слов «поли» — «много», «тикос» — «интересы». Поэтому, как ни крути, а экономика всегда чьи-то интересы удовлетворяет, а чьи-то подавляет. Это касается и случая, когда целеполагание макроуровня утрачено и процветает неограниченная свобода купли-продажи, пусть даже при этом все бизнесмены платят налоги, а чиновники довольствуются исключительно зарплатой.

Тем не менее и в этих условиях процветает вседозволенность, и в результате ничтожное меньшинство населения имеет возможность купить всё, что пожелает, даже если большинство населения еле сводит концы с концами и живет впроголодь в уверенности, что завтра лучше не станет. Таковы объективное целеполагание макроуровня и настройка рыночного механизма по умолчанию при отсутствии осознанного целеполагания и целесообразных (это слово следует понимать буквально: по отношению к избранным определенным целям) ограничений на свободу купли-продажи.

Если бы рынок на основе свободы купли-продажи сам по себе был безошибочным регулятором производства и потребления, гарантирующим, что в обществе все, по крайней мере те, кто хочет работать, будут сыты, одеты, им будет где жить, у них будет свободное время, чтобы развиваться личностно и что всё это будет протекать в ладу с биосферой планеты и т.п., то “НГ” не было бы нужды вести дискуссию о «мобилизационной экономике», необходимой для того, чтобы преодолеть кризис неспособности свободного рынка обеспечить безбедность жизни общества.

Стало быть, какие-то ограничения на свободу купли-продажи необходимы как для преодоления кризиса, так и для того, чтобы экономика общества не впадала в кризисы. Ан нет, А.Жукова (председатель комитета Государственной Думы по бюджету, налогам, банка, финансам), эта проблематика не интересует: он отстаивает право индивидуального потребителя выбирать, и право индивидуального производителя взвинчивать цены.

Его тут же поддерживает А.Илларионов (Директор Института экономического анализа), которому желательна и неограниченная конвертация рубля, как гарантия права отдельно

рассматриваемого потребителя или производителя приобщиться к глобальной производственно-потребительской системе.

Что будет со множеством российских потребителей и производителей, которые в условиях нынешнего кризиса бедствуют, не интересует ни председателя думского комитета, ни директора государственного института. Для них абстрактные права абстрактного индивида более значимы, нежели подавление конкретных прав множества конкретных людей, благополучие множества которых они всегда готовы принести в жертву ненасытно алчному меньшинству, которое обирает большинство, прикрывшись демагогией о правах абстрактного индивида. Поэтому у нас и вызывают омерзение все борцы «за права человека» на западный манер.

Спрашивается: нужны ли нам — неголосующим — такие председатели думских комитетов и государственность, которая содержит таких директоров научно-исследовательских институтов? — Нет, не нужны. То есть мы опять приходим к вопросу, приписываемому анекдотом И.В.Сталину: «Скажите честно: вы дураки, или враги народа?» Более того, государственные деятели и ученые с такими взглядами обременительны для нас не только как соотечественники, но и как жители планеты Земля…

Если же возвращаться к экономике — системе производства и распределения, — то подавляющее большинство населения живет на *ограниченную* зарплату и лишено возможности подняться в наиболее высокодоходные группы в силу сложившегося общественного объединения узко профессионального труда.

С их точки зрения в экономике дела идут нормально, если покупательная способность их ограниченной зарплаты растет год от года (и так было в последние годы сталинизма). С их точки зрения представители наиболее высокодоходных социальных групп, составляющих малую долю населения, — чьи доходы многократно превосходят средние доходы в обществе, — паразитируют и бесятся с жиру, развращая общество культом потребления без пользы и смысла, нанося при этом вред биосфере планеты неуемностью своих притязаний, что выливается в самоубийственную — для человечества в целом — гонку потребления множества индивидов, каждый из которых не задумывается о том, что он сеет в мире, и кто и как будет убирать за ним дерьмо.

Если подводить под эту *житейскую логику трудящегося большинства* (хотя логика определенного сорта “трудящихся” — прикормленных олигархами холуев от журналистики — может быть иной) научно-теоретическую базу, то получится следующее:

- всё, что производится обществом, можно отнести к двум классам продукции:
    - продукция, демографически обусловленного спектра потребления, объемы потребностей в которой и объемы производства пропорциональны численности населения разных возрастных групп и пола, численности домашних хозяйств в городской и сельской инфраструктуре региона или государства;
    - продукция деградационно-паразитического спектра потребления, производство и потребление которой наносит ущерб здоровью как самих потребителей, так и здоровью окружающих, а кроме того и здоровью их потомков и биоценозам Земли.
- прейскурант на товары и услуги конечного потребления — вектор ошибки управления макроэкономического уровня. Это означает, что при правильной настройке механизма саморегуляции рыночной экономики, цены падают, а вилка «минимум — максимум» доходов стимулирует рост квалификации и гарантирует экономическую безопасность личности и семьи, исключая при этом возможность паразитизма на чужом труде за счет доходов, заведомо избыточных по отношению к демографически обусловленной потребительской корзине, а также доходов, извлекаемых профессиональными спекулянтами в “играх” на колебаниях цен; а при антиобщественной настройке рыночного механизма цены растут, обгоняя рост реальных доходов большинства (иными словами мерило глупости и антинародности

режима — темпы роста номинальных цен по отношению к покупательной способности средней зарплаты и рост кратности отношения минимальных и максимальных доходов).

Соответственно, упомянутое С.Ю.Глазьевым *право человека иметь работу и быть накормленным* относится к демографически обусловленному спектру потребностей. А *право купить "Мерседес",* **по крайней мере в условиях, когда первое право не гарантировано,** относится к деградационно-паразитическому спектру потребностей.

Показав различие между правом иметь работу и быть накормленным и правом купить "Мерседес", С.Ю.Глазьев не стал делать тех далеко идущих обобщений, что мы привели ранее.

Единственная причина этого — нравственно-этическая и состоит в том, что он сам кормится с ладони тех, для кого право раз в год менять "Мерседес" важнее того, чтобы в России не было голодных и бездомных, детей, лишенных возможности получить правильное воспитание и необходимое образование; важнее всего того, что относится к демографически обусловленному спектру потребностей и необходимо *всем и каждому* для того, чтобы человеческий детеныш мог стать Человеком, а не холопом или вооруженным ядерными боеприпасами демоном.

И так обстоит дело с каждым потребительским вожделением *в конкретных общественно-исторических условиях:* либо оно относится к деградационно-паразитическому спектру потребностей, либо оно относится к демографически обусловленному спектру потребностей. Деградационно-паразитический спектр непредсказуем, демографически обусловленный — предсказуем на основе демографической статистики и динамики её изменения на многие десятилетия вперед, вследствие чего механизм саморегуляции рыночной экономики может быть планово настроен на гарантированное удовлетворение потребностей всего населения по демографически обусловленному спектру. Но это — далеко идущие обобщения, сметающие весь шулерский домик легитимной экономической науки вместе с её иерархами.

Реально экономика на макроуровне ориентируется либо на преимущественное удовлетворение демографически обусловленного спектра потребностей большинства (так было в послевоенные годы при Сталине, и беда сталинской эпохи не в том, что к этому стремились, а в том, что стремясь к этому, допускали ошибки, а подчас и лицемерие), либо на деградационно-паразитические потребности меньшинства (так было и есть после Сталина). Именно вследствие последнего обстоятельства и было утрачено целеполагание макроуровня в советской экономике к 1970-м гг., о чем вспомнили участники дискуссии.

Но дело обстоит так, что С.Ю.Глазьеву и Л.И.Абалкину не было необходимости самостоятельно догадываться обо всем этом, осуществляя «мозговой штурм» в ходе дискуссии о «мобилизационной экономике». Им обоим неоднократно вручался "Краткий курс… (Концепция общественной безопасности)", где изложена метрологически состоятельная теория подобия многоотраслевых производственно-потребительских систем; показано, что при нормальном управлении экономикой цены на товары и услуги конечного потребления не могут не падать; рассмотрены вопросы целеполагания по демографически обусловленному спектру потребностей и вопросы планового управления рыночной экономикой на основе определенности демографически обусловленного спектра и сдерживания выявленного деградационно-паразитического спектра потребностей. А также вручались и другие материалы Концепции общественной безопасности, в которых рассмотрены вопросы, далеко выходящие за пределы интересов экономической науки.

Однако "Краткий курс…" не только не принадлежит легитимной экономической науке, но и порицает её многократно. Все же участники дискуссии — питомцы легитимной экономической лженауки и питаются от неё. Выступить против неё, чего требует здравый смысл и совесть, для них — "потерять себя", утратить привычно комфортное общественное положение и те иллюзорные, но вожделенные перспективы, которые уже открылись перед

ними, и, отказавшись ото всего прошлого, начать новую “карьеру” с нуля. Как показывает дискуссия, опубликованная “НГ”, со здравым смыслом её участники не в ладу.

Но с честью и совестью у них дела обстоят не лучше, поскольку они не могут признать результаты той работы, которую они, будучи экономистами-профессионалами, обязаны были сделать сами, и которую за них выполняет общественная инициатива неголосующих, и результаты которой общественная инициатива неголосующих доводит до их и всеобщего сведения. Зная обо всем они продолжают болтать попусту о том, чего реально в жизни нет: в частности, о «мобилизационной эконмике».

Но то же самое касается и иных разделов социологии и всей общественной деятельности (история, религиоведение, искусствоведение, церкви, система образования и др.), а не только экономики: там “профессионалы” — “элита” — тоже зажрались и болтают попусту и беспредметно, будучи не способными к выявлению, анализу и решению стоящих перед обществом проблем развития.

То есть дискуссия, которую провела и опубликовала “НГ” по теме «мобилизационной экономике», показывает, что реально Россия переживает вовсе не экономический кризис. Экономический кризис это следствие затянувшегося кризиса неспособности властных социальных групп определиться нравственно и мировоззренчески в условиях, когда прежнее мировоззрение, основанное на прежней “элитарной” нравственности себя исчерпало.

По существу о том же и интервью лидера фракции “Наш дом Россия” (НДР) в Государственной Думе Владимира Рыжкова главному редактору журнала “Эксперт” Валерию Фадееву “Инстинкт консерватора”, опубликованное в № 19 названного журнала от 24 мая 1999 г. Эта беседа, как и дискуссия в “НГ”, тоже состоялась до отставки Е.М.Примакова и попытки импичмента Б.Н.Ельцина.

Начнем мы, однако, не с анализа высказываний В.Рыжкова, а со слов В.Фадеева, которые предшествовали самому интервью:

«***Недавно вы сказали: “Мы хотим создать консервативную партию”. Видимо, вы имели в виду правую партию. Эдакую, я сейчас буду немного преувеличивать, махровую правую партию. Например, если шахтеры легли на рельсы и при этом нарушают закон, значит, их надо гнать. Если им государство выплатило все деньги, то это не проблемы государства. А шахтеры пусть ищут пропавшие деньги у своих начальников. А раз они этого не делают, значит, боятся. А боятся, потому что убьют…***

— Абсолютно точно (В.Рыжков).

— Иди и делай это. Если ты это будешь делать, тогда ты становишься нашим партнером, потому что ты смелый человек. Тогда рабочий становится тоже правым.

— Да (В.Рыжков)».

Всё набранное жирным курсивом — слова главного редактора “Эксперта”, возможно, что и не выражающие его личных воззрений, но провоцирующие собеседника на подтверждение либо отрицание высказанных им определённых мнений. В.Рыжков в обоих случаях с этим согласился. После этого уточнения мы можем показать, с чем по существу согласился лидер думской фракции НДР.

Реально в основе нашей цивилизации лежит общественное объединение профессионального труда. Всякий профессионал в общественном объединении труда либо занят непосредственно производительным трудом в сфере «материального производства» либо в отраслях «духовного производства», либо занят в сфере управления трудом других профессионалов и прочими делами общества и его фрагментов. Одним из разделов сферы управления вообще является государственность.

Ситуация такова: шахтеры (сфера непосредственно производительного труда) нарубили стране угля, государство (сфера управления) перевело за этот уголь деньги, деньги украдены директоратами и посредниками в торговых цепочках (сфера управления). Что делать шахтерам? — Протестовать и требовать чего-то от государства, как утверждает В.Фадеев и с чем соглашается В.Рыжков, нельзя, потому что государство шахтерам деньги перечислило.

Предлагается самим шахтерам заняться организацией поиска денег и обузданием директоратов, посредников и угольной мафии, подчинившей себе угольную отрасль.

Спрашивается, есть в этом государстве органы прокуратуры, МВД, которые профессионально обязаны следить за тем, чтобы мафия не была властна над отраслями производства и государственностью, либо же нет? Ведь о том, что деньги перечисленные из центра не доходят до шахтеров, управления МВД, органы прокуратуры на местах профессионально обязаны были знать до того, как шахтеры выйдут на рельсы и тем самым нарушат закон. Если шахтеры, которых подставные гапоны вывели на рельсы, оказались крайними в деле о нарушении закона, то это означает, что руководство МВД, прокуратуры сами снюхались с теми же бандитами, с которыми снюхались и директораты угольной отрасли, укравшие вместе с торговыми посредниками шахтерские деньги. В противном случае прокуратура и МВД провели бы следственные действия и довели бы дело до суда быстрее, чем очередная партия угля была бы отгружена получателю, а сумма денег в оплату за неё, была украдена.

После этого предлагается: ***«А шахтеры пусть ищут пропавшие деньги у своих начальников. А раз они этого не делают, значит, боятся. А боятся, потому что убьют…***

— Абсолютно точно.

— Иди и делай это. Если ты это будешь делать, тогда ты становишься нашим партнером, потому что ты смелый человек. Тогда рабочий становится тоже правым.

— Да».

Но реально государство не выполнило свой профессиональный долг перед шахтерами: профессиональная обязанность шахтеров — давать стране угля; а профессиональная обязанность государства — в том числе следить и за тем, чтобы у шахтеров не воровали деньги в то время, пока они отдают свои силы в забое и пока восстанавливают их дома для добычи очередной партии угля. Это — функция правоохранительных органов государства. И лидер думской фракции, профессиональный государственный деятель обязан это понимать. Но он об этом молчит и поддакивает предлагаемому ему вздору.

Реально дело не в трусости шахтеров или каких-то других профессиональных групп, а в ***необходимости на основе общественной инициативы превзойти в организованности и дееспособности и мафию, и недееспособную государственность, подчинившуюся мафии***. В противном случае общество, и прежде всего его “элитарные” слои, столкнутся с крайне неприятным для себя явлением.

Если ограничиться рассмотрением отношений исключительно в системе «персонал — снюхавшееся с мафией начальство», то для персонала последовать совету “Эксперта”: не бояться громил, а заняться разборками с собственным начальством, — означает одну единственную возможность оказать воздействие на злоупотребляющего своим положением начальника — беспощадно убивать их без суда и следствия. Чтобы при этом самим не попасть под следствие и избежать уголовной ответственности, остается употреблять способ «технической уработки». Этот термин возник в ГУЛАГе и означал осуществление несчастного случая на производстве, в котором погибал приговоренный самими заключенными к «технической уработке» терроризировавший всех уголовник, стукач или кто-то неугодный лагерной общественности по каким-то иным причинам.

Но этот способ осуществления общественной инициативы, к которому по существу подталкивает “Эксперт”, означает, что начальника никто не будет увещевать: «верни нам украденное и не воруй впредь», так как обе стороны знают, что реально происходит и только делают вид, что ничего не происходит, поскольку точно такой же вид — что ничего не происходит либо кто-то пытается оклеветать начальство — делают и правоохранительные органы. В такой ситуации всякие увещевания начальства бессмысленны, ибо начальство не может не знать, что оно обворовывает персонал. И даже если оно делает это исключительно на законных основаниях, то интеллектуальный уровень выпускника вуза, пусть даже и подорванный пьянством и «нездоровыми излишествами» деградационно-паразитического спектра потребностей, всё же позволяет понять, чьи интересы ущемляют те законы, на ос-

новании которых можно безнаказанно обобрать и поработить большинство населения страны.

Увещевания могут быть полезны только там, где имеют место действительные заблуждения, а не заблуждение в форме наглого цинизма.

А депутатам Верховных Советов СССР, его союзных республик созывов после 1985 г., депутатам Думы РФ, президенту, осуществлявшему подбор и назначение на должности высших лиц государства и подписавшему указы, имеющие силу законов, в результате чьей коллективной деятельности и бездеятельности возникло такое законодательство, следует призадуматься и о возможной уголовной ответственности за злоупотребление законодательной властью. *В силу специфики этого вида антиобщественного деяния распространить на него принцип «закон обратной силы не имеет» не представляется возможно.* Но коли речь зашла об общественной инициативе, действительно призванной поправить бизнесменов и чиновников государства в их искреннем недопонимании того, что происходит, то умному шахтеру нет причин ограничивать свои интересы разборками со своими начальниками, снюхавшимися с бандитами, дабы те запугивали и убивали одиночек-активистов. В круг тех, кто мешает жить трудовому человеку вообще, а не только взятым для примера В.Фадеевым шахтерам, попадают и руководители МВД и ФСБ, прокуратуры, депутаты, все партийные “элиты”, включая и НДР, и В.Рыжкова персонально, поскольку все они — работники сферы управления, не выполняющей свой долг по отношению к остальному обществу, и сильно **задолжавшие по жизни** простому трудящемуся человеку и *его детям*.

Но общественная инициатива при таком уровне ответственности и заботы перестает быть “робингудством” и подражанием С.Т.Разину и Г.И.Котовскому, а становится Советской властью, в лучшем смысле этих слов. И как показывает опыт истории, в свое время шахтеры и другие не боялись ни бандитов, ни государства, когда её устанавливали: становление Советов «снизу» по инициативе трудящегося большинства в период с ноября 1917 по май 1918 года предшествовало гражданской войне, а *РСДРП(б) только окучивала этот процесс, во многом извращая его продвижением троцкистов на руководящие посты в условиях безграмотности большей части нееврейского населения страны,* что и привело к весьма специфическому лозунгу кронштадского восстания (28 февраля — 18 марта 1921 г.) «За Советы, но без коммунистов!», поскольку троцкисты того времени — сионо-интернацисты, основной партийный актив — еще именовали себя по названию партии «коммунистами», а не по псевдониму своего лидера и кумира. Правильнее было бы «За Советы без марксистов и библиистов!», поскольку коммунизм нуждается в очищении от марксизма, а Учение Христово — в очищении от библейской мерзости. И этот лозунг актуален не только в России и в наши дни.

Так что, призывающие простых рабочих к общественной инициативе в правом деле, дождетесь: общественная инициатива неголосующих вызреет, и обратится против вас под лозунгом — «Смело мы в бой пойдем за Власть Советов и победим». На сей раз окончательно.

Теперь можно перейти собственно к интервью В.Рыжкова “Эксперту”. В.Рыжков дает следующую оценку взаимоотношений Думы и общества вне органов власти:

«Почему такая странная конфигурация парламента? <До этого речь шла о том, что коммунисты являются не коммунистами, а госкапиталистами; «Яблоко» — вовсе не демократы, в смысле не буржуазные демократы, а социал-демократы; ЛДПР и Жириновский — не либералы, а правые, в смысле государственники; а НДР — партия без избирателей, поскольку является партией власти.> Казалось бы, внешне всё очень прилично выглядит. Четыре фракции, все очень разные. Можно предположить, что они действительно отражают крупные интересы общества. На самом деле всё это условно, поскольку можно смело утверждать, что структурированных и ясных интересов в нашем обществе не существует. Общество деморализовано, маргинализировано, дезориентировано в идейно-ценностном плане, и

потому голосуя за какие-то партии, оно инстинктивно реагирует не на ясные программы и системы ценностей, а на некие облака. Скажем, треть общества хотела бы вернуться в Советский Союз. Есть набор стереотипов советской власти: все заводы работают, зарплата, пусть небольшая, но регулярная, продуктов, хотя и мало, достать можно, стандарты жизни, пусть и низкие по качеству, но примерно одинаковые, лечение плохонькое, но доступное и так далее. Эти настроения и эксплуатирует КПРФ».

Если же говорить о мире капитализма в целом и называть вещи своими именами, то потребительские стандарты в СССР были безусловно ниже, чем в таких странах как США, ФРГ, Швеция, Швейцария, но за 70 лет социалистического строительства, прерванного войной, уничтожившей более 1/3 народного достояния и осиротившей почти каждую семью, эти стандарты все-таки были на уровне, превышавшем потребительские стандарты большинства стран капитализма, за исключением образцово показательных “демократий”, обобравших международным ростовщичеством (кредитованием под заведомо неоплатные проценты) весь остальной мир. Эту правду с количественными показателями производства и потребления в руках, ныне никто вспоминать не желает: ни записные марксисты, ни без ума болтливые демократы, ни другие противники социализма.

Примерно такие же характеристики «облаков в штанах» В.Рыжков дал и стереотипам, которые эксплуатируют все прочие партии, после чего подвел итог:

«Что характерно для всех этих облаков в штанах? Для них характерно две вещи: стиль балагана и политическая безответственность.

— Принято балаган только с Жириновским ассоциировать…

— На самом деле балаганом занимаются все. Очень часто заявления Явлинского, внешне выдержанные в цивилизованной, европейской стилистике, на самом деле — балаган. Сейчас я подумаю, какой пример привести.

— С разоблачением коррупции в правительстве.

— Блестяще. Перебранка с Примаковым по коррупции в правительстве. Любому трезвомыслящему человеку ясно, что это балаган.

А у Жириновского это просто стиль существования[1].

— В каком-то смысле даже элегантно.

— И второе — безответственность. Наши уважаемые парламентские партии считают для себя вполне нормальным голосовать за совершенно безответственные решения, выступать с совершенно безответственными заявлениями. Это объединяет их всех. Значит есть общая основа, которая делает наш парламент, начиная с декабря девяносто третьего года, безответственным балаганом».

Помнится, интервью начиналось с упреков в адрес шахтеров, что они балаганят на рельсах, требуя от государства, чтобы государственность сделала сама то, что она и так обязана делать, вместо того, чтобы шахтерам стать участниками правого дела. А в ходе интервью выясняется, что и сам В.Рыжков погряз в балагане, но в отличие от шахтеров занимается он этим на профессиональной основе, хотя на самом деле обязан профессионально привносить в думский балаган нравственно правое дело, о сути которого речь пойдет далее. И как должно быть ясно из наших комментариев к провокационному предложению шахтерам начать разборки с их начальством, в этом политиканском балагане В.Рыжков — всё же один из коверных клоунов[2], хотя ему и лепится имидж молодого интеллектуала, обладающего большим потенциалом. Вопрос только в том, будет ли реализован им какой-либо иной потенциал, кроме балаганно-политического клоунского?

Некогда Т.Г.Шевченко написал такие стихи (да простят нас украинцы за русскую транслитерацию):

---

[1] Провал Жириновского на выборах за пост губернатора Белгорода подвел итог этому стилю существования в России.

[2] Если в российской политике есть “подковерная борьба”, то должны быть и “подковерные политические клоуны”.

И день иде, и ничь иде.
И голову схопывши в руки,
Дывуешься, чому не йде
Апостол правды и науки.

По сути в этих строках Т.Г.Шевченко выразил жизненную программу очень многих людей, которые не в силах отказаться от такого существования, когда им хочется и лучшей жизни, но хочется, чтобы кто-то пришел и сотворил её, позвав жаждущих на готовую к потреблению халяву. Однако встает вопрос: если человек сам жаждет прихода апостола правды и науки и видит, что таких жаждущих вокруг него много, почему бы ему самому не обратиться к Богу с просьбой помочь в самообразовании, чтобы ему самому по его свободной и доброй воле и стать жданным апостолом правды и науки?

После этого лирического отступления и всего ранее приведенного из беседы с В.Рыжковым обратимся к началу этого интервью:

«Один мой любимый философ сказал: для того, чтобы исправить страну, надо исправить слова», — а также и к его заключительным словам:

«***— Значит, проблема одна — отсутствие лидера?***

— Нет, проблем гораздо больше. Очень велика инерция. Все сейчас ждут выборов, будет интересно. А много ли людей осознает, что эти выборы бессмысленны[1]? Вот Явлинский искренне говорит: “Для меня важнее всего декабрьские выборы”. Задай ему вопрос, что ты будешь делать после них, он не ответит. Он себе представляет: я выберусь в декабре, а там будем маневрировать, может быть, премьером меня сделает кто-нибудь. Но разве это цель партии — избраться и маневрировать? Смешно.

Что касается Лужкова, я его пока, честно скажу, не чувствую. Я не могу понять чего он на самом деле хочет.

— Что он хочет делать?

— Я не понимаю, за что он борется. Если он что-то хочет изменить, я не слышу от него никаких идей. А если он борется за трон Ельцина, это бессмысленная борьба. Трон Ельцина уже не нужен по существу. *Нужна пятая республика, принципиально новая модель власти. Нужны новые роли Думы, президента, Совета федерации, партий, новая культура политических взаимоотношений, новое законодательство, новая Конституция, новая внешняя политика, новая экономическая политика — всё нужно обновлять. Нужен тектонический сдвиг для того, чтобы общество двинулось вперед. Нужен какой-то взрыв. Как там называется очищение, какое-то мудреное слово есть? (Выделено курсивом нами при цитировании).*

— Катарсис.

— Вот! Катарсис нужен».

Всё, что выделено нами курсивом в предшествующем абзаце, можно назвать одним словом: концепция. То есть России нужна концепция общественной жизни и государственного устройства, альтернативная той, которую бездумно проводят в жизнь лидеры всех партий, включая и В.Рыжкова. Такую концепцию может породить только концептуальная власть — самовластная по своей природе власть тех, кто в состоянии по своей воле и разумению переосмыслить прошлый опыт и настоящее и ясно изложить альтернативу. По существу говоря, в этом и состоит смысл того, что сказал В.Рыжков: «Для того, чтобы исправить страну, надо исправить слова».

Концептуальная власть — начало и конец всех внутриобщественных контуров циркуляции информации, всех контуров прочих видов власти. Всеобщее обязательное среднее образование, которое получили в СССР все не слабоумные, — достаточная основа для того,

---

[1] Как сообщала “Независимая Газета” в статье неголосующие, так или иначе это осознают не менее 30 миллионов человек, из примерно 106 миллионов избирателей России.

чтобы автократия концептуальной власти глобального уровня заботы и значимости была доступна каждому, кто возжелает благоустройства жизни на Земле. И это — основа истинной демократии, исключающая возможность того, что кто-то злоупотребит концептуальной властью в своих эгоистичных интересах, подавляя своим эгоизмом жизнь остальных членов общества. В случае такой попытки он столкнется с концептуальной властью, стоящей на страже интересов всего остального общества, и в этом случае вся его деятельность начинает превращаться в *бессмысленный балаган как стиль политического существования.*

Пока это писалось, произошло еще одно событие, показавшее, что балагану — как стилю политического существования — в России приходит конец. Главный профессионал на темы «побалаганить» — В.В.Жириновский — попытался избраться в губернаторы Белгородской области. И не только не победил на выборах, но занял "почетное третье место". В связи с этим некоторые аналитики уже высказывают мнение, что в действительности в задачу В.В.Жириновского и не входило действительно стать губернатором Белгородской области: он якобы выполнял социальный заказ — поддержать на выборах действующего губернатора Савченко, мобилизовав для него часть электората из числа своих противников, дабы они, придя на выборы, отдали свои голоса Савченко, и тем самым привели его к победе над его настоящими политическими противниками, а не над Жириновским. Но даже, если это и действительно так, то такой сценарий оказания поддержки на выборах одному из кандидатов, работоспособен в данном конкретном случае только, если заранее известно, что балаганящий помощник сам не будет избран. А это возможно, только в том случае, если «специалист побалаганить» не рассматривается как воплощение их надежд и чаяний изрядной долей потенциального электората.

Собственно говоря, именно вследствие того, что в России действует *концептуальная власть неголосующих,* Дума, другие органы государственной власти, наука, чьи деятели являются приверженцами концепций прав и свобод абстрактного индивида, осуществляемых за счет подавления всего общества, и представляют собой балаган, на что В.Рыжков указал совершенно правильно: кто-то балаганит цивилизованно стильно, кто-то разнузданно, кто-то с намеками на будущее, но балаганят все.

Тем не менее, люди могут много и правильно говорить о необходимости новой концепции, чему примером последние абзацы интервью В.Рыжкова, но будут безвольно, по инерции продолжать заниматься балаганом, поддерживая своим бездействием и суетой прежние концепции. «Исправить слова», о необходимости чего высказался В.Рыжков, может каждый: для этого необходимо только озаботиться тем, чтобы смысл слов по оглашению, не отрицал смысла, сопутствующего тем же словам по умолчанию, поскольку в единстве смысла оглашений и умолчаний человеку дано постичь единство и целостность Мира. Но для того, чтобы это сделать необходимо совсем немного доброй воли и непреклонности проявить её в соответствующих обстоятельствах… а к этому большинство благонамеренных праздно болтающих неспособны, сковав себя страхом и потребительскими привязанностями.

Новая же концепция, развиваемая и осуществляемая общественной инициативой не голосующих, действительно способна породить «катарсис» — очищение государственной, бизнес- и "четвертой" власти от всех праздно болтающих представителей "элиты".

27 мая — 3 июня 1999 г.